

отводится ресоциализирующей активности осужденных, а система воспитательных мероприятий, выстраиваемая с учетом условий отбывания наказания в учреждении УИС, должна быть преимущественно направлена на мотивирование осужденных к проявлению такой активности. При этом сама логика построения воспитательного воздействия (процесса исправления в целом) едина для всей УИС, что не исключает различия прикладных подходов в организации и проведении воспитательных мероприятий в учреждениях УИС различных видов (с учетом содержания предоставленных осужденным возможностей для ресоциализирующей активности, что определяется условиями отбывания наказания).

Следовательно, рассмотренные новеллы УИК будут способствовать дальнейшему формированию в профессиональном дискурсе работников УИС восприятия процесса исправления как процесса с его правовой формой, педагогическим содержанием и ресоциализирующей направленностью. В свою очередь, рассмотрение процесса исправления с такого ракурса само по себе детерминирует тенденции к гуманизации пенитенциарной практики, которые имеют место в последние несколько лет.

Список использованных источников

1. Пастушеня, А. Н. Развитие собственной активности осужденных в исправительном процессе позволит повысить его результативность / А. Н. Пастушеня // Информ. бюл. / Департамент исполнения наказаний МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 7. – С. 5–9.
2. Педагогика и политико-воспитательная работа с осужденными : учеб. пособие / В. И. Акумов [и др.] ; под науч. ред. Ю. В. Гербева. – Рязань : Изд-во Рязан. высш. шк. МВД Рос. Федерации, 1985. – 359 с.
3. Исправительно-трудовая педагогика : учеб. пособие / М. М. Дейнеко [и др.] ; отв. ред. В. Ф. Пирожков. – М. : [б. и.], 1967. – 304 с.
4. Головастова, Ю. А. Новеллы предмета уголовно-исполнительного права: модернизация уголовно-исполнительных правоотношений / Ю. А. Головастова // Проблемы кодификации уголовно-исполнительного законодательства : материалы круглого стола. – М., 2016. – С. 237–242.
5. Шабаль, В. С. Реформирование институтов досрочного освобождения осужденных к лишению свободы / В. С. Шабаль // Вестн. Гродн. гос. ун-та. Сер. 4. Правоведение. – 2018. – № 4. – С. 52–57.
6. Тит, А. А. Общественное воздействие на осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Беларусь: современное состояние и направления совершенствования / А. А. Тит // Вестн. Кузбас. ин-та. – 2023. – № 1. – С. 98–109.

Дата поступления в редакцию: 22.04.2024

УДК 343.541 + 343.97

В. В. Стальбовский, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры философии и идеологической работы Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: vudiksuv@gmail.com

МАСКА НОРМАЛЬНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-ПЕДОФИЛА

Исследуется феномен маски нормальности относительно ее содержания в проекции личности преступника, совершающего преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних (по медицинскому критерию – педофил). Приводятся криминологические характеристики противоправных деяний данного вида. Рассматривается механизм социально одобряемого и преступного поведения, анализируются их различия в контексте педофилических девиаций. Перечислены социальные маркеры, формирующие скилл¹ нормальности и поведенческий профиль преступника-педофила. Предложена авторская типология возможных «масок», характерных для эпохи постмодерна, составлена классификация их видов в зависимости от характера совершенных преступлений, основанная на возможных вариациях поведения педофилов, на примерах из практики правоохранительных органов Республики Беларусь.

Ключевые слова: маска нормальности, педофилия, половые преступления, интернет-импакт, скилл педофила, тип педофила.

¹ От англ. skill – навык, мастерство.

*V. V. Stalbovsky, Candidate of Juridical Sciences, Deputy Head of the Department of Philosophy and Ideological Work of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: vudiksvv@gmail.com*

THE MASK OF NORMALITY OF A PEDOPHILE CRIMINAL

The article studies the phenomenon of the mask of normality in relation to its content in the projection of the personality of a criminal who commits crimes against sexual inviolability or sexual freedom of minors (according to the medical criterion – pedophile). Criminological characteristics of unlawful acts of this type are given. The mechanism of socially approved and criminal behavior is considered, their differences in the context of pedophilic deviations are analyzed. The social mercurial factors that form the normality skill and behavioral profile of a pedophile criminal are listed. The author’s typology of possible “masks” in the postmodern era and the classification of their types depending on the nature of committed crimes, based on possible variations in the behavior of pedophiles, on examples from the practice of law enforcement agencies of the Republic of Belarus are given.

Keywords: mask of normality, pedophilia, sexual crimes, Internet impact, pedophile skill, pedophile type.

Выдавать себя за совсем другого человека, скрывая свое истинное «я», в пронизанную масштабной цифровизацией эпоху постмодерна не составляет труда. Данная тенденция прослеживается и в криминализации отдельных индивидов, и их поведении (в том числе законопослушном) в некриминальных социальных отношениях. В научных сообществах криминологического и криминалистического блока такая способность к перевоплощению называется *маской нормальности* и представляет собой феномен, практически не изученный сегодня относительно педофилических девиаций.

Каждый этап социальной эволюции, – а «зарождение» маски нормальности является одной из его имманентных характеристик, – начинается с разовых проявлений стереотипов поведения людей с последующей консолидацией прожитого опыта (на примере теории Овертона), в конечном итоге приводя к смене парадигмы поведения и установленного порядка действия. В рамках эволюции социальных процессов складываются модели универсального поведения: естественного (нормального) и преступного. Именно поэтому очень важно как можно раньше заметить «красные нити» возникающих в обществе процессов, часто девиантных, теряющихся в запутанной картине жизни. В рассматриваемом вопросе «красные нити» – это набирающие обороты попытки нормализации педофилии, в том числе посредством различных ролей (моделей нормальности) преступника, не позволяющих его идентифицировать, и даже попытки признать ее сексуальной ориентацией с помощью вышеупомянутой теории, на что в целом и ориентированы педофилические лобби всего мира.

Уровень естественной и искусственной латентности половых преступлений достаточно высокий: в 5–8 раз выше уровня реально учтенных преступлений против несовершеннолетних (около 5–8 тыс.). Ситуацию усложняет мимикрирование личности педофила в среде комфортного времяпрепровождения жертвы – так называемой зоне безопасности и иллюзорной защищенности. Но речь в данном случае идет не о цифровом обмане, основанном на создании фейковых аккаунтов для интернет-импакта (груминга) в отношении жертвы, и не о его уже давно известных, но не до конца изученных с научной точки зрения особенностях. Не затрагиваются и маркеры идентификации педофилов (сленг, символика, среда особой активности), определяющие только внешнюю структурную оболочку личности педофила. Основная задача сейчас заключается в проведении анализа внутреннего содержания объекта исследования, тщательно скрывающего тонкости криминальной активности.

Для формирования нейронной цепочки в научных изысканиях, чтобы миновать «бочку Данаид»¹ в предупреждении и профилактике рассматриваемого вида преступности обратимся к вопросу современного феномена маски нормальности педофила – одной из составляющих психологической характеристики личности такого преступника, по нашему мнению, малоизученной стороне криминологических и криминалистических знаний.

Феномен маски нормальности изучался на примерах серийных убийств (Е. В. Ильюк, Н. В. Михайлова, Е. Р. Ерунцова, Э. Ф. Кадничанская, П. А. Семенова, М. А. Какаулина, Д. В. Грива, Н. С. Грудинин, А. И. Свистунова, С. Ю. Стрижак, Н. С. Бурмистрова, Р. Ф. Фаррахова, Л. С. Комисарова), мас-

¹ В древнегреческой мифологии – бесполезная, пустая работа.

совых убийств (А. А. Астахова, Ю. А. Кошкарова), серийных маньяков (Т. А. Разуваева, Н. К. Чувильская, Е. В. Абраменко, О. И. Рогожан), архетипов виктимного поведения (Е. В. Ильюк). Вместе с тем исключительно маской нормальности преступников-педофилов в отечественном научном сообществе комплексно никто не занимался.

Появление в информационном поле понятия «маска нормальности» связано с посвященными психопатии одноименными научными трудами Херви Клекли (1976 г.). Принимая во внимание его исследования, а также собственные научные исследования и практическую деятельность, учитывая современное развитие социума и состояние преступности, дефиницию «маска нормальности» можно интерпретировать по-разному. Если говорить в общем, то маска нормальности – это поведенческая характеристика, позволяющая преступнику казаться нормальным, психически здоровым человеком, создавать положительный образ, максимально социально приемлемый и одобряемый в представлении окружающих. Такие якобы нормальные люди полностью контролируют свои действия и поступки. Все, что они когда-либо делали, как поступали, было полностью осознанным и никак иначе. Не является исключением из рассматриваемого феномена, на наш взгляд, и преступник-педофил. Подтверждения находятся не только в материалах уголовных дел, справках о расследованиях, оперативных сводках, где четко указан криминологический портрет такой личности. Есть и косвенные признаки: высокий уровень латентности, серийность, многоэпизодность (с 2013 по 2016 г. врач-анестезиолог совершил более 70 преступлений, вывозя на лечение за границу детей из РНПЦ онкологии, где с ними совершал иные действия сексуального характера); длительность (с 2005 по 2018 г. гражданин Д. изготавливал детскую порнографию; каждый из 50 пострадавших не менее десяти раз участвовал в съемках порнографического характера). Сложность расследования преступлений такого рода дает много подсказок (верных ключей) в их индивидуальной профилактике.

Изучению феномена маски нормальности предшествовало изучение архетипа личности Карлом Юнгом. По его мнению, личность состоит из трех взаимодействующих структур: сознания, личного бессознательного (связано с опытом жизни конкретного человека) и коллективного бессознательного (состоит из архетипов). В психологии и литературе архетип («древний образ», часто повторяющийся образ, модель поведения) имеет античные корни [1, с. 13]. Иными словами, архетип проявляется на трех уровнях: бессознательном, предсознательном и сознательном.

Оставаясь неизменными с древнейших времен, архетипы в основном меняли свои формы, но не содержание [3], т. е. они устойчивы во времени. При этом архетипы – это не только отпечатки постоянно повторяющихся типичных опытов, но эмпирически они выступают как тенденции к повторению тех же опытов. Не является исключением из базы архетипов криминальный опыт, скилл и алгоритм поведения.

Феномен маски нормальности согласно теории Херви Клекли представляет собой одно из самых пугающих свойств личности психопата: умение казаться абсолютно нормальным человеком, скрывая под маской благообразности звериную натуру [2]. Каннибализм, педофилия, шутинг, геноцид, терроризм, коррупция и другие криминальные явления мира постмодерна на рассвете поколения Альфа также свидетельствуют о том, что коллективный общечеловеческий деструктивный опыт имеет тенденцию к повторению. В процессе социализации личности, усвоения части мирового частного-индивидуального опыта архетипы клонируются. Как образы они являются обобщенной равнодействующей бесчисленных типовых опытов существования ряда поколений, усредняя миллионы индивидуальных опытов, образующих типы укоренившихся вариантов манеры поведения – маски нормальности.

Для полного понимания исследуемого вопроса и его логичного изучения необходимо сначала обратиться к рассмотрению «платформы» возникновения маски нормальности – понятию «психопатия». Существует множество сходных определений данного психического расстройства, обобщив которые, можно описать психопатию как синдром (совокупность симптомов). В нашем случае данный синдром включает в себя эгоцентричность, лживость, поверхностную эмоциональность, глубочайший нарциссизм, отсутствие у субъекта чувства вины, жалости, сострадания, раскаяния и т. д. При изучении личности преступника не следует забывать о криминологической значимости этого синдрома и его проявлений, отдельном блоке психофизиологических

особенностей психопата, которые, с нашей точки зрения, как раз объединяют в себе имманентные свойства феномена маски нормальности.

При изучении многополярных вопросов криминологической теории, усложняющихся и расширяющихся посредством других наук, довольно часто поднимается вопрос о механизме возникновения преступного поведения индивида в равных условиях с другими индивидами (законпослушными), одном социальном срезе, разных внешних условиях с их возбудителями. В этом следует разобраться более детально.

С нашей позиции, вопрос формирования социально одобряемого поведения и его отличия от преступного очень важен в теории предупреждения преступности и изучении личности преступника. Необходимо понимать, что именно устройство и работа психических функций детерминируют личность обычного человека и личность преступника.

Топографическая модель психики человека имеет три уровня: бессознательное (совокупность инстинктов и вытесненных воспоминаний); предсознательное (совокупность переживаний лица в незадействованном формате, которые в настоящий момент выступают невостребованным опытом и активизируются при определенных волевых усилиях); сознательное (реальная память, осознание в данный момент). В этом контексте необходимо обратить внимание на очень значимый момент. Инстинкты и витальные потребности, находясь в бессознательном, блокируются на уровне предсознательного, исходя из сформированных установок в сознательном. Для того чтобы уровень имеющихся инстинктов не превышал критическую массу на уровне бессознательного, они выводятся небольшими «порциями». Это и есть механизм защиты психики. Именно этот механизм защиты обуславливает социально одобряемое поведение и отличает его от преступного, в котором так называемый фильтр блокировки на уровне предсознательного или отсутствует, или его выброс из бессознательного настолько велик, что некоторые инстинкты и потребности выходят за грань нормальности в виде совершенного преступления.

На основании вышеизложенного можно предположить, что в непреступной жизни педофилы являют собой выраженную социально приемлемую личность. И если бы подобное социально приемлемое поведение педофила было результатом притворства, то специалисты (эксперты, сотрудники правоохранительных органов) интуитивно почувствовали бы это или не могли бы охарактеризовать педофила исключительно положительно. Наши наблюдения, анализ практики свидетельствуют о том, что лица, осужденные за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, в своем большинстве являлись примерными отцами, педагогами, врачами, тренерами, воспитателями и другими категориями людей, максимально приближенными к несовершеннолетним в повседневном контакте в силу трудовых, служебных и социально-обусловленных правоотношений. И поэтому феномен маски нормальности выступает неотъемлемой составляющей ее изучения в рамках криминологии вообще и личности преступника в частности. Данный феномен также представляет собой необходимое звено в формировании единой стратегии предупреждения и профилактики, тем самым снижая уровень энтропии в теории предупреждения рассматриваемого вида преступности.

Практика показывает, что для педофилов не характерны малозначительные конфликты и мизерный выброс энергии в виде накопившихся эмоций, предотвращающий преступное поведение у законопослушных граждан. Соответственно, это приводит к формированию у ближайшего окружения преступника представления об идеальной личности (хороший супруг, отец, сосед, педагог, врач, тренер, лидер и авторитет в определенных кругах). Мы не можем проанализировать механизм его защитного поведения, но, вероятно, сброс энергии бессознательного у педофила происходит совершенно иначе, чем у психически здорового человека. Следовательно, исключив наиболее неперспективные версии, предположим, что разрядка у педофила в момент совершения им преступления происходит мгновенно, минуя стадии предсознательного и сознательного. Именно поэтому подавляющее большинство педофилов, скорее всего, не могут (или значительно реже – не хотят) основательно реконструировать собственное психическое состояние в момент совершения преступления, так как они находятся под воздействием своеобразного «эффекта аффекта» – в интенсивном эмоциональном состоянии, вызывающем провалы в памяти.

Таким образом, представим, что феномен маски нормальности объясняется особенностью психики педофила сбрасывать весь груз бессознательного напряжения в одновольевом акте,

что приводит к исчезновению механизма защиты психики. В целом педофил не притворяется нормальным человеком, это его естественное состояние, но лишь до момента появления соответствующего триггера – возникновения у него накопившихся в предсознательной базе эмоций (дотронулся до ребенка, увидел оголенные части тела ребенка, исполнение ребенком детской песенки, если ребенок сел на шпагат и т. д.). С этого момента реальный активный педофил начинает действовать преступным способом. После совершения полового преступления, лишенный груза первичных инстинктов и витальных потребностей, он являет собой образ здорового, абсолютно уравновешенного человека. Данная особенность и описанные выше процессы именно поэтому и затрудняют розыск, профилактику, предупреждение, пресечение и многие другие процессуальные действия относительно «хищника» (так называют педофила неофициальные информационные ресурсы и организации, осуществляющие сканирование многих общественных институтов на предмет присутствия в них элемента педофилии). Другими словами, маска нормальности педофила – баланс психологической стабильности за рамками совершенного преступления, где все критерии педофилии временно отсутствуют после одномоментного выброса энергии на стадии ее перехода из бессознательного в предсознательное без сдерживания ее в защитном механизме, т. е. мелкими «порциями» (например, обычное прикосновение к ребенку не возмещает замещающий более грубый и преступный контакт).

Важно отметить, что в клинической картине педофилии есть состояния эгосинтонности и эгодистонности. Как правило, изначально у педофила наблюдается эгодистонное отношение к своему влечению. Он понимает, что это влечение в нем «живет», и понимает, что оно ненормальное, порицаемое. Это вызывает у него всяческие переживания, тревогу, депрессию, суицидальное настроение.

Человек, не способный контролировать свое влечение, будет и дальше совершать преступные действия. Каждый раз эти переживания будут проявляться все меньше. Тогда у него развивается эгосинтонное состояние, при котором снижается самокритика, выстраивается своеобразная система мышления (назовем ее защитной), с помощью которой он для себя может принять патологическое влечение как нормальное, тем самым снижая свое эмоциональное напряжение. Данное состояние, например, может обостряться посредством внешних (просмотр детской порнографии) и внутренних (самоубеждение в нормальности своего поведения) факторов.

Проведенный в рамках исследования анализ позволяет перечислить социальные маркеры, формирующие скилл нормальности педофила: достойная профессия, образование выше среднего, педантичность и аккуратность, наличие семьи и детей на воспитании, хорошие взаимоотношения с коллегами, авторитет в коллективе, властно-распорядительные функции, заслуги в одной из социальных сфер, внутренняя расслабленность и отсутствие напряженности в общении, развитые коммуникативные навыки, знание детской психологии и др.

И здесь необходимо акцентировать внимание на том, какие тенденции детерминирует маска нормальности преступника-педофила. Отнесем к ним высокий уровень латентности, многоэпизодность, значительное количество жертв преступлений, длительность преступной деятельности, сложность раскрытия преступлений, увеличение ресурса поиска лиц, совершивших преступление при осуществлении оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных действий.

В августе 2022 г. в одной из школ Гродненской области были установлены факты сексуального насилия. Мужчина на протяжении 7 лет совершал насильственные действия сексуального характера в отношении школьников в возрасте от 15 до 17 лет. Будучи учителем, взамен он ставил хорошие оценки по своему предмету, а в случае отказа обещал применить «карательные» меры. Было установлено, что он вел интимную переписку со своими учениками, применял насильственные действия сексуального характера в отношении четырех из них, позволял себе в учебном процессе обнимать, поглаживать детей, некоторых целовал.

И снова мы говорим о переписке через глобальную сеть Интернет – интернет-импакте (груминге). Вместе с тем наряду с факторами, свидетельствующими о необходимости введения в научный оборот данной дефиниции, необходимо наиболее приближенно в современном формате обозначить ее содержание. Так, «интернет-импакт несовершеннолетних» – процесс вербального и невербального воздействия преступника на потенциальную жертву, состоящий из алгоритмов, способов и приемов, используемых в открытом и закрытом интернет-сегменте,

и направленный на совершение преступлений либо иных противоправных действий путем формирования инициатором зависимого состояния объекта воздействия с целью его открытой или латентной эксплуатации.

Продолжая тему, вернемся к архетипу – коллективным универсальным паттернам (моделям, или мотивам), возникающим из коллективного бессознательного и являющимся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок, сюжетов художественных произведений. Универсальные архетипы представляют собой обобщенные биологические, психологические, социальные или профессиональные роли. Выделяются архетипы, связанные с мифическими и сказочными образами, а также неопределенное множество архетипов, выражающих ситуации [4]. Не является исключением и универсальное криминальное поведение педофилов.

Необходимо подчеркнуть, что полученные результаты сформированных знаний о типах и видах маски нормальности основаны на эмпирических материалах диссертационного исследования и подтверждаются статистическими данными Национального статистического комитета Республики Беларусь, главного управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми криминальной милиции МВД Республики Беларусь, Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, результатами стационарных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз преступников и жертв преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних (155 заключений экспертов), информационными материалами, изученными во время прохождения автором стажировки в Минском районном отделе Следственного комитета Республики Беларусь по линии расследования преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних (57 справок о расследовании уголовных дел указанной категории, 36 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела), результатами социологического исследования, в ходе которого автором опрошены 278 сотрудников правоохранительных органов, а также 638 осужденных за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, в семи исправительных учреждениях, материалами 167 уголовных дел, возбужденных по ст. 166–169, 343 УК Республики Беларусь, 142 личных дела лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних [5, 6]. Отсылки к конкретным материалам уголовных дел указаны в материалах диссертационного исследования, находящихся в открытом доступе.

Вырабатывая методику построения профиля педофила, который неизвестен, попытаемся выделить виды маски нормальности, приближенные к универсальной модели, классифицируемые по степени адаптированности в социуме ее носителя и его роли в обществе.

1. Сверхвыраженная маска нормальности. Явно не скрывает своих увлечений, сверхактивен, популярен, знаменит, имеет инфлюенсерские способности, обладает и пользуется идеальным непререкаемым авторитетом, важными и высокопоставленными коммуникациями в государственном секторе и бизнесе.

2. Ярковыраженная маска нормальности. Гармонично вписан в общество, обладает высокой коммуникабельной активностью, имеет окружение и значительный потенциал доверия, наделен властно-распорядительными функциями.

3. Средневыраженная маска нормальности. Неприметен в социуме, закрыт, часто обладает непрестижной профессией и навыками социализации (кочегар, уборщик, сантехник), ведет в большей степени закрытый образ жизни.

4. Маловыраженная маска нормальности. Асоциален, полный интроверт, замкнут в своем мировосприятии, возможно без профессиональных навыков, иждивенец, тунеядец.

На основании вышеуказанных видов логично резюмировать типы маски нормальности педофилов с учетом экспертного мнения опрошенных респондентов (экспертов) и анализа материалов уголовных дел (критерий для классификации – роль, которую исполняет педофил, и метод его воздействия на жертву):

«Профессор». Активно изучает специальную научную литературу для использования в установлении преступного контакта с несовершеннолетними жертвами посредством нейролингвистического программирования, психологических уловок и приемов (из практики: мужчина в возрасте 31 года, проживающий в Минске, имеет собранную библиотеку, посвященную психологии детей и методам манипулирования ими).

«Искусствовед» («эстет»). Умело играет роль человека, посвятившего свою жизнь искусству, может преподавать в кружке художественной самодеятельности (из практики: уроженец Минска в возрасте 65 лет, вел кружок рисования, спаивал несовершеннолетних во время занятий и совершал с ними развратные действия сексуального характера; следователями зафиксированы жертвы в трех поколениях).

«Семьянин». Играет роль ответственного семьянина, имеет собственных детей, возможную поддержку своих действий партнером, создает впечатление о своей семье как об идеальной в плане организации быта и досуга, является центральным звеном и крепким защитником своей семьи.

«Заботливый». Играет роль внимательного и чувственного непререкаемого авторитета как для детей, так и своих сверстников, всегда готов прийти на помощь, но в обмен на «особые услуги», использует методы и стадии интернет-импакта.

«Заслуженный работник». Активен в непосредственном контакте с детьми при выполнении своих трудовых обязанностей (тренер, детский врач, учитель, пионервожатый в лагере, педагог и др.), использует методы властно-распорядительного характера, пользуется непререкаемым авторитетом.

«Мнимый семьянин». Не является родным отцом (отчим, опекун), играет роль отца детей, всегда готового прийти на помощь, но в обмен на «особые услуги», использует методы грубого и насильственного характера (в отсутствие партнера по браку (семейным отношениям) под предлогом присмотра за детьми и заботы о них совершает многоэпизодные и длительные преступления).

«Защитник». Как правило, не знаком с жертвой, играет роль внезапно пришедшего на помощь в решении сложной для несовершеннолетнего проблемы, использует методы убеждения и вызывает у ребенка чувство взаимного обязательства.

«Друг семьи». Знаком с жертвой, играет роль близкого друга семьи, хорошо зарекомендовавшего себя тренера, семейного врача, использует методы отвлечения внимания, имеет авторитет (из практики: во время празднования Дня рождения под предлогом времяпрепровождения совершил преступление в отдельной комнате).

«Недееспособный». Не знаком с жертвой, играет роль «недалекого» гражданина для подтверждения своей недееспособности и отвлечения внимания на собственную безобидность (из практики: совершивший преступление бомж).

«Мать». Является родной матерью, совершает преступления, используя методы убеждения, оказывая агрессивное влияние на сознание жертвы с ее самого раннего возраста (до 1 % всех педофилов; из практики: две матери эксплуатировали своих родных дочерей для создания порноконента с участием иностранных граждан за материальное вознаграждение).

«Игровой». Играет роль «хищника», придумывая сложные схемы, после длительного просмотра порнографических материалов с несовершеннолетними воспринимает совершение преступления как некий шаблон.

«Исключенные». Не играет ни одну из ролей, но в виду сложившихся обстоятельств, вызванных сложными и нелогичными действиями, совершает преступление.

«Черный». Действует в «черном» сегменте интернета (DarkNet, торрент), использует приобретенные умения и навыки для поиска жертв после длительных просмотров детской порнографии, которые его провоцируют на совершение действия в виду сформировавшейся зависимости, внутренней иллюзии безнаказанности и безопасности.

«Результат культа жертвы». Проявляет себя вследствие провокационного и распутного поведения жертвы, которая спровоцировала его на преступное поведение своей навязчивостью (из практики: в течение месяца девочка в возрасте 12 лет стала жертвой четырех педофилов).

«Экстрасенс». Активно использует технику экстрасенсорных способностей для введения жертвы в транс (по наблюдениям экспертов-практиков многие педофилы предвидят и тонко чувствуют готовящиеся в отношении их оперативно-розыскные мероприятия и прекращают преступную активность на период их проведения).

«Мнящий себя женщиной с ребенком». Мнит себя женщиной с абстрактным ребенком и осуществляет поиск такого же прототипа для установления сексуального контакта, т. е. мужчину, который мнит себя женщиной с ребенком; присутствие ребенка усиливает эмоциональные переживания и сексуальные эмоции (единственный случай зафиксирован в Республике Беларусь).

Сегодня все больший эффект в интернете имеет «умелое» переплетение реальности с вымышленными событиями. Искусственно выстроенная информация подрывает основы рациональной социальной и политической ориентации, порождая у людей элементы скепсиса и иронии в восприятии такого рода комбинированной действительности. Понятно, что, стимулируя утверждение новых способов культурного освоения политически значимой информации, современные коммуникации создают совершенно новую социальную атмосферу для развития политической жизни и воспроизводства культуры [7, с. 228].

Эксклюзивность содеянного неизбежно дает ключ к разгадке максимально быстро: это почерк преступника. Чем «стандартнее» и шаблоннее преступление, тем сложнее раскрыть его и изобличить преступника.

Специалисты всего мира давно убеждены: педофилия – это болезнь, и родом она определено из детства, глубоко замаскированная на различных уровнях сознания. Причин много, но чаще всего они сводятся к двум блокам: биологическому и социальному.

Таким образом, в исследовании данной проблематики имеется множество пробелов, восполнение которых позволит максимально приблизиться к пониманию механизма индивидуального преступного поведения, определить внутренний спектр мировосприятия и движущие мотивы преступного поведения педофила.

В результате изучения вопроса нами определены следующие четыре вида маски нормальности, классифицируемые по степени адаптированности ее носителя в социуме и его роли в обществе: сверхвыраженная, ярковыраженная, средневывраженная, маловывраженная. Данная классификация позволяет нам спроецировать некоторые аспекты географии профилактики педофилической преступности, выработать меры индивидуальной профилактики, усовершенствовать и повысить эффективность мер общей и индивидуальной превенции, сформировать новый кластер направления исследований педофилической преступности.

Разработанная авторская типология маски нормальности позволяет сформировать пласт знаний, определяющий стратегии преступного поведения, особенности мыслительных процессов преступника в отношении жертвы, взаимоотношений, провоцирующих создание контакта между преступником и жертвой, методологию преступного мышления; выдвинуть криминалистические версии; спроецировать основы поиска, идентификации преступника и жертвы.

Резюмируя вышеизложенное, приходим к заключению, что полученные знания о видах и типах маски нормальности преступника побуждают исследователей разрабатывать инструменты ранней диагностики преступного поведения, своевременно выявлять группы риска преступника и жертвы; формировать диагностический кейс, определяющий поведенческий и психологический профиль потенциального педофила, не создавая при этом ореол ложных предубеждений, составлять криминологическую и криминалистическую характеристики личности педофила, которые, в свою очередь, должны способствовать раннему предупреждению данного вида преступности.

Итак, маска нормальности педофилов выражается в состоянии психической стабильности, наступающей после одномоментного выброса бессознательной энергии. И поэтому после совершения преступных действий лишенный груза инстинктов педофил представляет собой образец психически здорового, абсолютно уравновешенного человека.

Список использованных источников

1. Ильюк, Е. В. «Маска нормальности» серийных преступников с психическими расстройствами / Е. В. Ильюк // Рос. следователь. – 2021. – № 9. – С. 8–13.
2. Семенова, П. А. О природе «маски нормальности» серийных убийц / П. А. Семенова // Рост. науч. журн. – 2016. – № 5. – С. 10–17.
3. Антонян, Ю. М. Понятие архетипа / Ю. М. Антонян // Юрид. психология. – 2006. – № 4. – С. 10–16 ; Антонян, Ю. М. Архетип трикстера и его криминологическое значение / Ю. М. Антонян // Юрид. психология. – 2008. – № 3. – С. 12–17.
4. Гроф, С. Области человеческого бессознательного [Электронный ресурс] / С. Гроф. – Режим доступа: <http://www.klex.ru/4un>. – Дата доступа: 27.02.2024.
5. Стальбовский, В. В. Уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних: дис. ... канд.

юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Стальбовский ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск, 2022. – 240 л.

6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2021/infograf-transport-2-210915.pdf. – Дата доступа: 27.02.2024.

7. Коваленя, А. А. Рецензия на учебное пособие «Государственная политика информационной безопасности и информационное противоборство» / А. А. Коваленя // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2020. – № 2. – С. 227–230.

Дата поступления в редакцию: 21.03.2024

УДК 343.2

А. А. Тит, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовно-исполнительного права и криминологии уголовного-исполнительного факультета
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: tsit81@mail.ru

ОБ ИНСТИТУТЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Проводится теоретико-правовой анализ восстановительного правосудия как уголовно-правового воздействия на общественные отношения. Акцентируется внимание на восстановительном правосудии как наиболее перспективном направлении совершенствования концепции реализации уголовной ответственности и подчеркивается, что его имплементации в национальное законодательство препятствует недостаточное научное осмысление в доктрине уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права ключевых положений восстановительного правосудия. Выделены ключевые элементы восстановительного правосудия. Предлагается авторская концепция института восстановительного правосудия в системе мер реализации уголовной ответственности.

Ключевые слова: восстановление социальной справедливости, уголовная ответственность, осужденный, медиация, потерпевший, фонд возмещения ущерба потерпевшему от преступления лицу.

A. A. Tit, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
of the Department of Penal Law and Criminology of the Faculty of Corrections
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: tsit81@mail.ru

ON THE INSTITUTION OF RESTORATIVE JUSTICE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article provides theoretical and legal analysis of restorative justice as a criminal-legal impact on social relations. The author focuses on restorative justice as the most promising direction for improving the concept of implementation of criminal responsibility and emphasizes that its implementation in national legislation is hindered by insufficient scientific understanding in the doctrine of criminal law, criminal procedure and penal enforcement law of the key provisions of restorative justice. The article highlights the key elements of restorative justice. The author's concept of the institute of restorative justice in the system of measures of realization of criminal responsibility is offered.

Keywords: restoration of social justice, criminal liability, convicted person, mediation, victim, crime victim compensation fund.

Уровень преступности в государстве напрямую зависит от складывающейся обстановки в социуме и является отражением эффективности осуществляемой уголовной политики. Именно поэтому противодействие преступности было и остается одним из значимых элементов реализации государственной политики Республики Беларусь в целом. Перманентно эволюционирующая система общественных отношений детерминирует необходимость адаптации к ней мер уголовной ответственности. Восстановительное правосудие – достаточно новое направление реализации уголовной ответственности – несмотря на отсутствие фундаментальных исследований в указанной области общественных отношений в научном сообществе в общем видится как комплекс организационно-правовых мероприятий. При этом в качестве первоочередной цели института